

Новикова, как можно судить по их сердечному тону, по разговорам о самопознании, об истинном христианстве, имели целью, видимо, послужить основанием для еще более откровенных бесед, которые должны были привести Муравьева к тайнам масонства. Но рационалистическая, в первую очередь «ломоновская» закваска оказалась в Муравьеве сильнее, и Новиков, сохраняя дружеские отношения с молодым человеком, отступил от задуманного. Масоном Муравьев так и не стал, несмотря на близость к В. И. Майкову, М. М. Хераскову, Н. И. Новикову, прошедшую через всю жизнь дружбу с И. П. Тургеневым. Говорю об этом не в похвалу или порицание, а во имя сохранения исторической истины, которая подчас нарушается исследователями, бездоказательно называющими Муравьева масоном.

Расхождения между Муравьевым и Новиковым намечаются и по собственно литературным вопросам. Как мне уже приходилось говорить, Муравьев написал в 1777 г. стихи на смерть Сумарокова. Одобренные Херасковым, они должны были быть напечатаны в типографии Кадетского корпуса при помощи Новикова: «Ему Тейльс друг».

Новиков действительно хотел помочь автору, но во время чтения стихов, рассказывал Муравьев, «припали нам некоторые рассуждения, которые нас поостановили. В самом деле дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтоб я ослабил инде выражения свои. Все утро нынче толковали мы: рифмача не скоро приведешь в толк. И я уж<е> их бросил. Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможно. Например, он не хотел бы сказать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны, а жизнь полна соблазнов. Мих<айла> Мат<еевич> хотел было, чтоб я приехал к нему с первой корректурой...» (30 октября 1777 г.).

Неожиданный переход и выразительное многоточие, которым обрывается рассказ, подчеркивают различие в отношении и к стихотворению, и к самому Сумарокову двух издателей «Утреннего света». Этот эпизод доказывает, что общеизвестное уважение Новикова к Сумарокову сохраняется и в 1777 г., несмотря ни на какие перипетии частной жизни автора «Димитрия Самозванца».

Еще более интересно расхождение писателей различных поколений в отношении к поэзии. Новиков, вслед за Сумароковым, требует точности. Молодой поэт, переходящий в это время на позиции преромантизма, скептически замечает: «... может быть, ее (точности, — Л. К.) требовать строго в стихотворстве и невозможно».

И наконец, возникает вопрос: откуда берется в науке версия, что Новиков передал литературный отдел «Утреннего света» на откуп Хераскову, если он сам продолжал горячо интересоваться литературой?